

Переводчик: Антония

Асан и Аву ушли. Мо Цяньсюэ немного поразмыслил, приказал Чуйи и Шиву сделать горячую воду, а в комнате сгорел древесный уголь.

Когда они вернулись с доктором, было неизвестно. Если в комнате было теплее, а Нин Шаоцин купался в горячей воде, ему может стать лучше, даже если яд не удалось удалить. Горячая вода помогала поддерживать его температуру. Если одного ведра было недостаточно, тогда используйте два, три и более. Пока его температура поддерживалась, ей было все равно. Менее чем через четверть горячая вода была готова, поэтому Мо Цяньсюэ позволил Чуйи переместить в комнату большое деревянное ведро и налил в него горячую воду, прежде чем поместить в него Нин Шаоцина.

После этого Мо Цяньсюэ обнаружил, что мороз между его бровями, похоже, немного растаял. Удовлетворенная, она приказала Чуйи позволить Миньюэ и Кайся отныне поддерживать кипятик в кипящем состоянии.

Кухонная кастрюля в мастерской и на кухне использовалась ими соответственно для поддержания кипящей воды, которая затем была отправлена в комнату скрытыми охранниками.

Она стояла сбоку, чтобы инструктировать Чуйи непрерывно менять воду, чтобы поддерживать температуру воды около 38 градусов Цельсия. Благодаря постоянной напряженной работе, они втроем быстро нашли свою одежду, пропитанную потом.

Чуйи знал, что она не может остановить даму от этого, поэтому она пыталась за ее пределами, чтобы сосредоточиться на труде. Пока Мо Цяньсюэ смотрел на нее, она знала, что делать дальше.

К счастью, в четыре часа утра Асан и Ау вернулись со странным доктором.

Увидев старого господина Вана, Мо Цяньсюэ мгновенно оживилась, но когда напряженные нервы расслабились, у нее вдруг закружилась голова. Тряся головой, она поприветствовала врача, как Чуйи открыл дверь и привел его внутрь.

Видя сцену и чувствуя высокую температуру в комнате, странный врач был перемещен. Наверное, только девушка умная, как она была в состоянии думать о такой идее, которая была хотя и хлопотно, но полезно.

Господин Ван вздохнул. Даже если она была умна, без направляющей травы, усилия были напрасны в конце концов.

Качая головой, он посмотрел в глаза Мо Цяньсюэ и сказал: "Этот яд можно было бы вылечить, но теперь трава-проводник уничтожена". Я действительно ничего не могу сделать".

Мо Цяньсю вздрогнул, и Чуйи поспешил подойти, чтобы поддержать ее.

Если бы он действительно ничего не мог сделать, этот странный старик не пришел бы сюда. Думая об этом, Мо Цяньсю снова посмотрел вверх: "Правда? Ты ничего не можешь сделать или не хочешь?"

Она не знала, что странный доктор пришел сюда только из-за жетона от лорда Лу. Он был странным, но он также был человеком, который держал свои слова.

Он был должен господину Лу услугу и пообещал, что, как бы ни держал этот жетон и не было ли лекарства, он пойдет навестить пациента. Он не разговаривал и с интересом чувствовал только температуру воды в бочке.

Мо Цяньсюэ прищурилась: "У меня есть много других специфических рецептов на еду и дюжина методов оказания первой помощи при заболеваниях, похожих на инсульт". Если вам интересно, я могу записать их для изучения".

Это была не угроза, а мольба.

Один метод первой помощи мог не заинтриговать врача, но дюжина заинтриговала бы. Мо Цяньсю считал, что его нужно перевезти.

Настоящие врачи-мастера были заинтересованы в лечении от неразрешимых болезней. Как и ожидалось, блеск сиял в его глазах.

Тем не менее, у него были свои принципы. Пока он решил лечить пациента, он должен устранить первопричину болезни. Если бы он не смог, то не стал бы начинать лечение.

Тем не менее, эти методы первой помощи все еще заинтриговали его. Так как его принципы были установлены самим собой, конечно, он мог изменить их, как ему нравится.

Старик нашел себе оправдание и сказал: "Если миссис Нинг готова их предложить, я думаю о том, как спасти ему жизнь, но...".

"Не стесняйся говорить прямо." Даже если бы ей нужна была кровь в сердце, она бы вырезала ее ножом без колебаний.

"Даже если бы его жизнь была спасена, будет пожизненное сожаление."

"Какое сожаление?" Это было бы лучше, чем потерять его навсегда.

Снаружи гром все еще грохотал, а дождь все еще лил.

Тем не менее, как бы гром ни был гром и дождь, он не был больше, чем слова, сказанные странным доктором.

Врач уставился на Мо Цяньсюэ и сказал слово за словом: "Нет потомства".

Нет потомства... Нет потомства... Слова кружились в мозгу Мо Цяньсюэ, чтобы развить эхо, как будто на ее сердце обрушился гром. Если бы Чуйи не поддержал её, её рухнувшее тело чуть не поскользнулось бы на землю.

Слова сразу лишили её веры.

Мгновенно, Чуйи, Шиву, Асан и Аву также почувствовал горечь. Собравшись, Мо Цяньсюэ сделал глубокий вдох и возвел в квадрат ее склонившиеся плечи, чтобы она не рухнула.

Она снова посмотрела на доктора, глаза беспрецедентно острые, "...Что вы имеете в виду под отсутствием потомства? Пожалуйста, сделайте это яснее. Будет ли его сексуальная функция ослаблена или полностью исчезнет, как евнух?"

Или его половая функция останется нормальной, но будет страдать бесплодием? Кроме того, излечимо ли это после воздействия?"

Серия вопросов была задана Мо Цяньсюэ естественным образом, но Чийи и Шиву опустили свои краснеющие лица и стали пялиться на пальцы ног.

Когда Чуйи спустила из бочки относительно прохладную воду, вода чуть не вылилась ей на ноги.

Когда Шиву добавила в бочку горячую воду, она почти вылила всю воду на землю.

Асан и Аву также слегка покашливали и выглянули, делая вид, что не слышали слов Мо Цяньсюэ.

Воздух конденсировался. Быстро после минуты отвлечения внимания, четверо вернулись в нормальное состояние. Тем не менее, их уши все встали, опасаясь пропустить одно слово.

Тусклые старые глаза странного доктора моргнули, и старое лицо покраснело. Очевидно, что он не ожидал таких простых вопросов, как что-то ослабленное и такого рода от девушки.

Хотя он был врачом, он, лучше всего в лечении ядов, никогда не выходил замуж, и большинство его пациентов были мужчины, так что он никогда не говорил с девушкой о

сексуальных функциях и подобные темы.

Поэтому он был немного смущен и бился вокруг куста: "Я дам ему злой наркотик, а затем проткнул его золотыми иглами, так что прорыв яда будет сдерживаться... Золотые иглки будут выполняться... и это будет способствовать...".

Он обсуждал с ней медицинское лечение?

Мо Цяньсю стал немного нетерпеливым. Теперь у них не было на это времени. Она могла подождать, а Нин Шаоцин - нет.

Врач не должен возражать против половой разницы.

Поэтому она прямо сказала: "Господин Ван, я буду благодарен, если вы ответите на мои вопросы откровенно".

Госпожа была слишком смелой! Чуйи и Шиву всё ещё смотрели на ведро, не осмеливаясь пошевелиться.

Чертовски крутая дама! Асан и Аву подсознательно обернулись и выглянули.

Доктор не нашел, куда бежать, кашлянул от смущения и ответил: "Вы... еще сможете спать вместе, но без направляющей травы корень яда не удастся удалить, и он будет полностью запечатан в его теле". Холод, накопленный в его теле, сделает его спермы неактивными, так что женщина не сможет зачать детей, так что это не потому, что... кашель...".

То, что он имел в виду, было замаскировано кашлем, а затем он снова выглядел серьезным: "Этот яд настолько жесток, что после этого лечения, хотя и будет запечатываться, в полнолунную ночь каждый месяц, он все равно атакует сердце пациента". Поэтому в долгосрочной перспективе его жизнь все равно будет укорочена пытками". Миссис Нинг, пожалуйста, подумайте дважды, прежде чем принимать решение..."

Яд не будет удален, а запечатан?! Кроме того, после этого он становился бесплодным и мучил его каждый месяц?! И в конце концов... укоротил ему жизнь?!

Нет!

Слезы на глазах. Она не хотела, чтобы они упали, поэтому подняла голову, чтобы проглотить слезы.

Возвращаясь к слезам горечи, она сочинила себя и с грустью спросила: "Не могли бы вы дать ему проснуться первым?"

Было бы лучше позволить ему принять решение.

Неважно, или яд причинил ему боль, или укоротил ему жизнь. Она бы осталась рядом с ним.

Однако...

Древние ценят потомство ужасное. Бесплодие смогло уничтожить всю самооценку и достоинство человека.

Более того, он очень любил детей. В детстве он наслаждался той радостью, которую приносил ему младший брат.

И теперь каждый раз, когда Яя заходил, он опускал книгу в руку и дразнил Яю, улыбаясь и слыша ее милую игру в детском тоне, даже если он сознательно держался подальше от Клыков.

Иногда, когда он шутил с ней, он всегда мечтал о том, чтобы иметь несколько детей и вести счастливую и живую жизнь вместе для этой жизни.

Но теперь... как он должен это принять?!

Люди живут в мире с разными итогами, но у них есть несколько общих вещей, то есть достоинство, счастье и надежда...

Если бы это случилось, то в чем же тогда лежало его достоинство, счастье и надежда?

Это решение было слишком огромным для нее, чтобы принять его половину.

Это решение не было бы ужасно болезненным, но должно быть сделано само по себе.

Независимо от того, что он выбрал, она не оставит его.

У Нин Шаоцин не было современного мышления, поэтому она не стала бы заставлять его принимать решение. Тем не менее, если он выбрал достоинство, она будет сопровождать его по дороге.

В любом случае, ее жизнь была дана другими.

Если он решил жить дальше, то она также останется рядом с ним.

В современную эпоху было много семей, так почему бы не дать ей попробовать в древние времена.

"Прекрасно, что вы придумали такой метод". Странный старик ходил вокруг ведра.

Эта девушка была очень яркой!

В таком случае, большинство людей использовали бы одеяло, чтобы держать пациента в тепле, но они не знали, что когда пациент страдает от холодного яда в его организме, обертывание одеялом будет не только остановить холод от рассеивания, но и ускорить прорыв яда, чтобы заставить пациента умереть быстрее от холода, который будет даже заморозить одеяло.

Что касается Чуйи и Шиву умелого движения смены воды, врач кивнул: "Постоянно-температурный пар действительно способен замедлить прорыв холода". Я верю, что после того, как я сделаю ему иглоукалывание, он проснётся".

Мо Цяньсюэ посмотрел, и Чуйи и Шиву вышли из комнаты. Затем Асан и Аву взяли Нин Шаоцина из ведра и положили его на диван под руководством врача.

Мо Цяньсюэ не видел, как двинулся странный старик, и тело Нин Шаоцина уже было заполнено иглами. И в один миг все иголки исчезли. Мо Цяньсюэ открыла глаза, но не узнала, где были иглы.

Потрясающе! Казалось, что у этих игл были глаза и они слушали его приказ входить и выходить.

Захватывающая магия! Если бы пациент не был Нин Шаоцин, Мо Цяньсюэ хлопал бы ему в ладоши и кричал на бис. После акупунктуры Нин Шаоцин медленно открывал глаза.

Он поболтал с господином Ваном, и когда он узнал, что вопросы Мо Цяньсюэ его волнуют, он не проявил ни малейшего сожаления, ни колебаний, а только пристально посмотрел на Мо Цяньсюэ и, наконец, улыбнулся, свернувшись губами по углам.

Разве эта женщина не может быть нежной? Она должна говорить перед таким количеством людей с ослабленной функцией и даже перед словом "евнух"?! Казалось, что она действительно чувствовала себя в стороне.

Когда он поправился, он должен загладить свою вину.

Он все еще может улыбаться в этот момент? Мо Цяньсюэ, в смятении, был напуган своей улыбкой.

Нет... Он сошёл с ума от внезапного несчастья?

Она собиралась что-то сказать, чтобы успокоить его, когда Нин Шаоцин сказал: "Господин Ван, могу я выбрать третий путь"?

Нин Шаоцин прислонился к дивану, с легкой улыбкой на лице, как будто пациент совсем не он, как будто он не умирает. В этот момент, хотя его губы все еще бледнели, а сам он все еще выглядел слабым, он был в высоком настроении.

Прежде чем другие, он снова стал нежным элегантным лордом.

Господин Ван был немного озадачен: "Третий путь"?

Нин Шаоцин спокойно ответил: "Третий путь - это принять лекарство от детоксикации напрямую".

Только медицина с направляющим стадом не причинит вреда его телу позже, и в будущем он все еще может быть здоровым и иметь детей. Конечно, господин Ван знал, что Нин Шаоцин имел в виду: "Тем не менее, у нас нет направляющей травы". Его тон был жалким. Он также не хотел, чтобы такой красивый молодой человек принял этот жестокий наркотик.

"Принял". Выражение Нин Шаоцина осталось таким же спокойным.

"Да, но оно было загрязнено токсичной кровью. Его нельзя использовать."

"Господин Ван неправильно меня понял. Я приготовил ещё одну направляющую траву. Пожалуйста, подождите минутку." Как он мог подвергнуть себя опасности? Конечно, он разработал план Б.

"Ух..." Странному доктору трудно поверить. Но в таком состоянии Нин Шаоцин мог бы подождать час или два.

Хорошо. Странный доктор гонялся за этим человеком много дней и ночей и был измучен. Теперь он может отдохнуть. Поэтому, не будучи приглашенным другими, он сел на стул рядом со столом и заснул, храпя.

В комнате были Асан и Аву и храп странного доктора.

Врач был здесь, небо было ярким, и он сделал это. Нин Шаоцин остановился, чтобы сесть рядом с ним на диван. Пара смотрела друг на друга, безмолвно, но казалось, что они все сказали.

"Ты..." Не отрывая глаз от друг друга надолго, пара начала в одно и то же время и сделала паузу.

"Ты первый..." Опять они начали и сделали паузу одновременно, за которой последовала улыбка.

Это был хороший день. Шторм, наконец, закончился.

Асан и Аву отвернулись.

В комнате было слишком тепло, а волосы и тело Мо Цяньсюэ были потными. Нин Шаоцин протянула руку, чтобы уложить прядь волос за глаза, и с любовью сказала: "Спасибо".

Она была ранена и оставалась рядом с ним всю ночь. Он знал, что она не уйдет, пока его яд не излечится, поэтому не попросил ее ложиться спать.

Он хотел обнять ее, но боялся, что холод вокруг него заморозит ее.

"Ты засранец! Почему ты не рассказал мне свой план Б? Я так волновался."

"Я не мудака. Я просто не хотел, чтобы ты слишком волновалась."

Услышав, что Нин Шаоцин сказал, что есть ещё одна направляющая трава, которую можно получить в ближайшее время, Мо Цяньсюэ наконец-то почувствовал облегчение. В будущем она сможет рожать симпатичных малышей и слышать, как они сладко зовут маму и его папу. Как мило!

Тем не менее, она нисколько не возражала против того, чтобы снова услышать аргумент "ни сваха, ни обручение подарков": "Если это не так, то устройте мне грандиозную свадьбу".

После такого кризиса она поверила, что грандиозная свадьба - это не так уж и много.

Нин Шаоцин уставилась на Мо Цяньсюэ.

Глаза были глубокими, как озеро, привлекая не только ее зрение, но и саму себя.

Увидев глухой взгляд Мо Цяньсюэ, Нин Шаоцин наклонилась вперед и шептала ей на ухо с полной любовью и нежностью: "Да. У нас будет грандиозная свадьба".